

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И17

Оформление переплёта — *Андрей Фerez*

Дизайн суперобложки — *Виктория Лебедева*

Автор иллюстрации, использованной
в оформлении суперобложки — *Е.Н.Юрканцев*

Иванов, Алексей Викторович.

И17 Тобол. Мало избранных : роман-пеплум / Алексей Иванов. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 827, [5] с. — (Новый Алексей Иванов).

ISBN 978-5-17-113938-4

«Тобол. Мало избранных» — вторая книга романа-пеплума Алексея Иванова «Тобол». Причудливые нити человеческих судеб, протянутые сквозь первую книгу романа, теперь завязались в узлы.

Реформы царя Петра перепахали Сибирь, и все, кто «были званы» в эти вольные края, поверяют: «избранны» ли они Сибирью? Беглые раскольники воздвигают свой огненный Корабль — но вознесутся ли в небо души тех, кто проклял себя на земле? Российские полки идут за золотом в далёкий азиатский город Яркенд — но одолеют ли они пространство степей и сопротивление джунгарских полчищ? Упрямый митрополит пробивается к священному идолу инородцев сквозь злой морок таёжного язычества. Тобольский зодчий по тайным знакам старины выручает из неволи того, кого всем сердцем ненавидит. Всемогущий сибирский губернатор оказывается в лапах государя, которому надо решить, что важнее: своя гордыня или интерес державы?

...Истории отдельных людей сплетаются в общую историю страны. А история страны движется силой яростной борьбы старого с новым. И её глубинная энергия — напряжение вечного спора Поэта и Царя.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113938-4

© Иванов А.В.
© Юрканцев Е.Н., иллюстрация
© ООО «Издательство АСТ»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**РАЗЖЕЧЬ
ОГОНЬ**

ГЛАВА 1

ЛАНДКАРТА ОЙКУМЕНЫ

Блистая доспехами из бронзы, македонцы окружили неприступный утёс, увенчанный короной крепости. Отвесные стены утёса, опалённые солнцем, побелели от вечного зноя Азии. С обрыва низвергался водопад. Сапфировое небо обжигало глаза. На утёсе, на недосягаемой высоте, укрылись последние защитники сказочной Согдианы во главе с владителем Аримазом...

Новицкий не помнил, чью горделивую латынь он так давно разбирал в библиотеке Могиянского коллегіума: «Историю» Квинта Курция Руфа? Плутарховы «Сравнительные жизнеописания»? Или «Анабасис Александра», рождённый стилосом Флавия Арриана? Неважно. Григорий Ильич сохранил в душе главное — упоение подвигами достославной древности.

— Согдыане сховались на скали с урвыщами и дэрзостно насмэхались над Олександром, крычалы йому звэрху, шо для пэрэмоги йому потрибнэ воины з крылами!.. — вдохновенно рассказывал Новицкий.

Ученики за столами слушали, затаив дыхание.

В сенях школы господина фон Вреха секретарь Йохим Дитмер поставил на лавку тяжёлый почтовый сундучок с железной ручкой, обмёл ноги от снега веником, вытер подошвы сапог о тряпку и бережно повесил на гвоздь епанчу и треуголку. Голос Новицкого разносился по всей школьной избе. Стараясь не скрипеть половицами, Дитмер прошёл мимо раскрытой двери учебной горницы в сторону каморки фон Вреха. Ученики его не заметили.

Фон Врех сидел в своём кресле с высокой спинкой, повернув его боком к столу, а на лавке против стола расположился Табберт.

— Добрый день, господа, — сказал Дитмер.

Табберт коротко поклонился, а фон Врех вскочил.

— Почта из Фельдт-комиссариата, — пояснил Дитмер и с облегчением опустил сундучок на стол ольдермана.

— Прекрасная, прекрасная новость! — обрадовался фон Врех.

Дитмер положил замёрзшие ладони на горячий бок печи.

— Граф Пипер переслал и жалованье — вексель на полторы тысячи риксдалеров. Губернатор обещал обменять билет на русские рубли.

— Деньги всегда вовремя, — улыбнулся Табберт.

— Присаживайтесь, милый Йохим! — фон Врех подвинул Дитмеру своё кресло. — Я уже приготовил письма нашей колонии. Кто будет их читать и составлять экстракты для господина губернатора?

— В этот раз придётся мне, — усаживаясь, сообщил Дитмер. — Признáюсь, господа, я не любитель подобных деликатных миссий, но Людвиг простужен, а почтовый экипаж отбывает уже послезавтра. Так что если вы завели здесь интрижку и написали об этом друзьям, то скорее

изымайте свои послания и вымарывайте, иначе я не удержусь и насплетничаю пастору Лариусу.

Дитмер шутил. Табберт понимающе кивнул. Он не сомневался, что Дитмер не доносит ни пастору, ни губернатору. Зачем? Компрометирующие сведения гораздо выгоднее использовать в своих интересах, а не для морального порицания. Дитмер держал в кулаке всю общину шведов.

— А ещё я отправляю барону Цедергельму перечень лекарств для нашей аптеки, — добавил фон Врех, подавая Дитмеру исписанный лист. — Если у вас есть личная необходимость в каких-либо снадобьях, Йохим, то дополните список своей рукой и запечатайте письмо сами.

— Благодарю, — Дитмер спрятал список за отворот камзола.

— Как дела у губернатора? — осведомился Табберт.

— Губернатор — в заботах о сборе войска. Как обычно у русских, не хватает всего. Но очень поучительно, господа, наблюдать устройство русской жизни, когда преимущество слагается из недостатков.

— Поясните, — сразу предложил любопытный Табберт.

— Извольте. Местный оружейник прозвищем Пилёнок был отправлен в столицу для обучения разумным приёмам работы, которые следовало бы внедрить на тобольской оружейной мануфактуре. Однако затея оказалась напрасной: сей господин не понял выгод машин от действия водяного колеса и отказался сооружать подобные агрегаты здесь, в Сибири. А недавно вдруг выяснилось, что пули, заготовленные войску для похода в степь, калибром превосходят калибры мушкетных стволов. Требуется подвергнуть их дополнительной обработке в шаровых мельницах. Если машины мастера Пилёнка приводились бы в движение водяными колёсами, то по причине зимы мельницы пребывали бы в остановке.

Но машины Пилёнка работают на конной тяге, каковая не зависит от времени года, и мануфактура получила большой заказ от губернатора. Таким образом, отсталость производства явилась причиной его прибыльности. Парадокс, господи.

— Забавно, — согласился Табберт.

— Я бы не советовал, друзья, подвергать критике порядки сибирской жизни, — мягко укорил фон Врех. — Это может пагубно сказаться и на вашей личной участи, и на судьбе всего нашего общества.

— Вы правы, — кивнул Дитмер. — Кстати, губернская канцелярия готовит указ о призыве пленных на воинскую службу.

— Разве губернатору мало тех несчастных, которых уже взяли на службу насильно в качестве наказания за ту отвратительную драку на ярмарке?

— Взяты в основном нижние чины, солдаты и драгуны. Из них составят отдельный драгунский эскадрон. А полковнику Бухгольцу нужны офицеры, умеющие командовать ротами и батальонами. Не желаете записаться, господин капитан фон Страленберг?

— Это подразумевает присягу или службу на пароль?

«На пароль» означало «под честное слово дворянина».

— Увы, только присягу.

— Тогда — увы, нет. Я хочу сохранить возможность вернуться домой при любом удобном случае. А присяга подразумевает весьма обременительные обязательства. Я не желал бы повторить судьбу наивного Лоренца.

Юный и честолюбивый лейтенант Лоренц Ланг мечтал о карьере, а плен, разумеется, закрыл для него все пути. И Лоренц решился поступить на русскую службу. Ничего недостойного в этом не было, однако товарищи по плену всё же отговаривали его. Лоренц не внял их увещеваньям. Он принёс присягу, рассчитывая, что его переведут в столицу России, где он сумеет занять достой-

ное место на дипломатическом поприще. А губернатор Гагарин прикрепил Лоренца к китайскому посольству. И в результате Лоренц сопровождал китайцев на Волгу к хану Аюке, а теперь вместе с посольством отправился в Китай как шпион губернатора. Он должен был учредить в Пекине русское представительство. Сомнительно, что его миссия смогла бы увенчаться успехом: император был недружелюбен к русским, а Лоренц не знал ни языка, ни обычаев Китая. В Тобольске все понимали: если Лоренц добьётся успеха, то русские не позволят ему бросить столь важный пост. А если успеха не последует, то и на карьере не стоит надеяться. Ланг совершил опрометчивый поступок. Ему сочувствовали. Он сам обрёл себя на жизнь вдали от родины. Но в душе Табберт немного завидовал Лоренцу: юноша увидит необыкновенные страны и города, пустыни и горы, Великую стену и загадочного богдыхана... Хотя эти впечатления останутся миру неизвестными.

— Мне показалось, будто вы, господин капитан, настолько увлеклись Россией, что согласны и на присягу русскому царю, — заметил Дитмер.

— Вы ошибаетесь, господин секретарь, — улыбнулся Табберт. — Россия мне, безусловно, интересна, и всё же моя мечта — Швеция.

— Это наша общая мечта, господа, — торжественно изрёк фон Врех.

Дитмер сложил почту в свой сундучок, и Табберт помог вынести его на двор, где Дитмера у коновязи ожидала лёгкая кошёвка. Здесь фон Врех уже не был свидетелем, и Табберт спокойно договорился, что Дитмер завтра заедет к нему домой за посланием, о котором ольдерману знать не надо.

Капитан Табберт целый год переписывался с бароном Цедергельмом, главой королевской канцелярии, и графом Реншельдом, фельдмаршалом, чтобы эти господа,

пользуясь своими связями, переправили его ландкарту в университеты Вены, Кёльна или Гейдельберга. Русские чиновники читали письма пленных, и Табберт, скрывая суть, в письмах именовал ландкарту «портретом Марии». Барон Цедергельм первым изыскал способ доставить «портрет Марии» в Кёльн некоему декану Крониельму.

Табберт в последний раз расстелил карту на постели, любуясь своим трудом: Тобол, Иртыш, Обь, озеро Зайсан и озеро Чаны, Тургайская и Барабинская степи, Тюмень, Тара, Тобольск, Сургут, Нарым, Берёзов, Обдорск, Мангазея... Табберт тщательно сложил полотнище втрое и скрутил в трубку, чтобы уменьшить количество сгибов, которые могли повредить изображению. Эту трубку он поместил в чехол из вошёного холста, зашил его просмоленной нитью и надписал на боку имя адресата.

Дитмер приехал в полдень. Табберт на всякий случай приготовил глэг, какой уж возможно приготовить в России, но Дитмер отказался раздеться и выпить. Он удивился размерам свёртка и взвесил посылку на руке.

— Не ожидал, что она окажется такой крупной и тяжёлой.

— Я предупреждал вас, что моя почта будет большая и объёмная. Понимаю, как трудно организовать тайную доставку, Йохим, но за это я и плачу вам двадцать риксдалеров.

Дитмер быстро и внимательно оглядел жилище Табберта. Всё здесь свидетельствовало о неплохом — по меркам плена — достатке капитана. На столе лежала большая рукописная книга в деревянных обложках. Без сомнения, русская. Вот откуда Табберт черпал свои познания в географии. Это хорошо, что у капитана сохраняется первоисточник.

— Видите ли, господин Табберт, — вежливо заговорил Дитмер. — После того как корреспонденция прочитана, её складывают под замок в особый почтовый сун-

дук, помеченный выжженной печатью. Ключ от сундука хранит у себя курьер. Я могу тайно от курьера проникнуть в сундук и вложить туда недозволенное письмо. Эта услуга стоит не слишком дорого. Но ваша карта в имеющийся сундук просто не войдёт. В вашем случае мне придётся поменять сундук на более вместительный, а такое предприятие потребует подкупа курьера и чиновника с печатью. Прошу с вас ещё семь риксдалеров.

Табберт понимающе улыбнулся.

— Вы умело составляете капитал, Йохим.

— Я подвергаю себя опасности, — возразил Дитмер. — Ведь за вашу почту я могу потерять свою должность.

— Я принимаю ваши условия. Ещё семь риксдалеров.

Дитмер лгал капитану Табберту. Едва увидев размеры посылки, он сразу понял, что она непременно привлечёт внимание таможенного смотрителя. Переправить ландкарту с обычной почтой — дело неисполнимое. Табберту надо искать иной способ. А эта ландкарта, увы, для Табберта будет потеряна. Однако он, секретарь Дитмер, при определённых действиях сумеет получить выгоду от неудачи капитана. В распоряжении же Табберта останется русская книга, с помощью которой он, найдись желание, восстановит свой труд.

В губернской канцелярии Дитмер прошёл в палату Гагарина, прикрыл дверь, взял нож и вскрыл свёрток. Похрустывая грунтовойкой, лощёный холст занял весь стол губернатора. Дитмер с восхищением рассматривал кружево тонких линий и бисерные подписи полуготической фрактурой. Конечно, это великолепное произведение должно стоить немалых денег.

А Табберт в этот вечер выпил глёт и уже готовился укладываться спать, когда его дверь без стука распахнулась. В горницу вошёл молоденький русский офицер — Табберт видел его у Ремезова, — и за ним два солдата.

— Капитан Табберт? — спросил офицер по-немецки, щурясь в полумраке.

— Господин... э-э... Демарин?

— Я имею приказ взять вас под караул и препроводить в каземат.

— Почему? — удивился Табберт.

— Не могу знать.

Глёт отгонял дурные мысли, и Табберт воспринял неожиданный арест с ироничным недоумением. Какая-то глупость. Он ни в чём не виноват. Он не участвовал в драке на ярмарке, не выполнял для губернатора никаких работ, качеством которых губернатор мог быть недоволен, не отлучался из города, вообще ничего не делал и ни с кем не ссорился. Он шагал по заснеженной улице, наслаждаясь морозом и ощущением здоровой силы своего тела.

Глёт развеялся к полуночи. Закутавшись в епанчу, Табберт сидел на топчане в холодной бревенчатой камерке подклета губернаторского дома. Углы и потолок здесь заросли косматой изморозью. В узкое волоковое окошко светила белая луна, безнадёжная и беспощадная, как выстрел в лицо.

На трезвую голову Табберт ясно понимал, что его посадили под стражу за попытку переслать ландкарту. За что же ещё? Видимо, Дитмер выдал его. По здравом размышлении, это был очень разумный поступок. И деньги за пересылку останутся Йохиму, и угроза потерять место развеется. Может быть, Дитмера даже наградят за бдительность в проверке почты. Но Табберт резко запретил себе думать про низость поступка секретаря. Бессмысленно расходовать душевные силы на бесполезный гнев. Надо думать о себе.

От ландкарты ему не отказаться. Да это и недостойно — отрицать свою вину. В изготовлении ландкарты нет позора для дворянина. Он был движим жадной познания

и благородным желанием просветить отечество. Значит, надо подготовиться к наказанию, чтобы встретить его с честью. Как его могут наказать? Вряд ли будут держать в тюрьме. Скорее всего, сошлют ещё дальше в Сибирь. Но куда? Работая над картой, Табберт прекрасно изучил географию этой страны. Хорошо, если его отправят в Якутск. Город по сибирским меркам крупный, и там можно собирать сведения об азиатском севере: о Колыме, Чукотке и Камчатке. Эти земли на чертежах Ремезова были описаны только приблизительно, без подробностей. В Европе хорошее описание северных пределов России, несомненно, вызовет большой интерес. Неплохо, если сошлют в Иркутск. Там близко огромное пресноводное море, неведомым образом расположенное посреди континента. В Нерчинске или Селенгинске главная тема — Монголия и Китай. В Таре — Джунгария. В Туруханске он мог бы создать описание русского пушного промысла. Если сошлют в Обдорск — там Мангазея и морской ход. А вот Берёзов — плохо. От Айкон — той девочки-остячки — он уже узнал о местных инородцах всё, что нужно. И Сургут плохо, и Нарым, и Енисейск, и Томск, и Красный Яр, и Кузнецк... Он не мог придумать, что ему делать в этих городах. Но незачем впадать в уныние. Мир везде полон тайн; найдутся они и в тех краях, которые кажутся глухой пустыней. Сила духа превозмогает превратности судьбы, а желающий познавать непременно отыщет объект исследования.

Табберт лёг на топчан, закинулся епанчой и уснул быстро и крепко.

Утром ему дали горячей воды вместо завтрака и повели к губернатору.

Князь Гагарин принял его у себя в кабинете. Табберт оглядел убранство кабинета с некоторым замешательством: он уже настроился на дорогу, на лишения, на скучную жизнь ссыльного, а тут голландская печь, пор-